

О. Залетнева. Опора на фольклор обнаруживается в преобладании диатонической интонационно-ладовой основы, в использовании простого песенного тематизма, жанровой характерности отдельных музыкальных эпизодов, в том числе натуральных звучаний в магнитофонной записи (аутентичное пение, женский плач-голошение), органично внесенных композитором в партитуру балета. Музыка дает чувственную атмосферу, эмоциональный тон, а хореография рассказывает историю, обрисовывает характер. Данный творческий метод делает взаимосвязь музыки и хореографии глубокой и тесной, позволяет выявить свойства обоих искусств, не лежащие на поверхности.

Постановка «Круговерти» продемонстрировала не только новый уровень подхода к народному творчеству на балетной сцене, но и подлинную любовь к нему авторов спектакля. Обогадив его культурой и достижениями современного искусства, органично сплавив этническое и общечеловеческое, они продлили художественную жизнь фольклора, доказали, что не исчерпан еще созидательный потенциал наследия, что оно способно приносить свежие сценические плоды.

КОЛЛЕГА

Ирина Коновальчик,
старший преподаватель кафедры хореографии

О Юлии Михайловне Чурко написано немало — как о женщине педагоге, балетмейстере, искусствоведе, писателе, ученом, вклад которого в хореографическое искусство трудно переоценить.

Феномен Юлии Михайловны заключается в том, что при всем объеме такой информации, все-таки невозможно составить о ней полного представления — столь многогранно ее человеческое и творческое Я. Как в прошлом ее студентку, балетмейстера, долго занимавшегося практической деятельностью в профессиональных коллективах, педагога в настоящем времени, меня притягивают ее увлеченность и жажда жизни во всех проявлениях.

Юлия Михайловна принадлежит к числу очень редких людей, простота которых имеет магическое свойство. Она очень доступно и ясно говорит о сути сложных явлений и вещей, не разбрасываясь заумнокнижными фразами и терминами. Поначалу это даже несколько обескураживает. Но потом ты начинаешь ощущать на себе завораживающее свойство этой простоты.

Обладая редкостным даром первопроходца, Ю. Чурко своим стремлением к познанию нового заставляет людей, находящихся рядом с ней, самообразовываться. И это происходит абсолютно помимо их воли! Вот и я, неожиданно для себя, решила заняться наукой. Она так увлеченно «возделывает свой сад», что находящиеся рядом коллеги, работающие над «своими кустарниками», видят воочию эту воодушевленность и стремятся быть достойными ее, или хотя бы не грешить ленью в ее присутствии.

Оптимизм, тонкий юмор, открытость и готовность к новым выражам в своей жизни — все эти черты характера Юлии Михайловны базируются на одной основополагающей трудоголик с весьма ироничной самооценкой своей деятельности. Чего только стоит ее высказывание о своих фундаментальных монографиях и литературных работах: «Намазалась на листочек и счастлива», «Я уже думала, что искусствоведение сожрало меня целиком»; или вот как она характеризует себя и свой вклад в исследовательскую деятельность: «Я себя ощущаю булыжником, который граню сама»; «работающая, неглупая и пытающаяся прыгнуть выше себя женщина»; «пишу легко, лежу на своем “писчем диване”, пока не закапают пот и кровь». И такая самооценка своей деятельности — не позерство. Она основана на мудром философском отношении к жизни вообще.

В противовес болезненно-обостренному чувству собственного достоинства, которым порой грешат люди, накопившие 1-2 статьи, Юлия Михайловна (имея за плечами десятки изданных трудов) умеет посмеяться над своими промахами.

Обладая поистине энциклопедическими знаниями — в общении с людьми проявляет поразительную терпимость к человеческим вкусам; имея огромный жизненный опыт за плечами — не перестает удивляться новым течением; достигнув достаточно больших высот — продолжает упорно работать и совершенствоваться.

И в то же время к одному человеку Ю. Чурко относится с редкой суровостью. Она не позволяет ему расслабиться, ошибиться, она устает от него больше всех, она требует от него постоянной отдачи... — этот человек она сама.